

СОВАКА
ПАВЛОВ А.

Павлов А. Совака

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014613
ISBN 9785448548758*

Аннотация

Где в нашей повседневности проходит граница реальности и самообмана? Вы уверены, что обычные будни это норма, а не абсурд? Кто определяет стандарты нашей действительности, и чем измерить адекватность? Герои произведения пытаются разобраться в своих судьбах, насыщенных иррациональными образами, чертовщиной и эротикой. Игры сознания преподносят сюрпризы и ломают шаблоны. Непредсказуемые события и фантазмагорические перевоплощения заставляют по-новому взглянуть на старые ценности.

Содержание

Часть первая	5
Будни	5
Возвращение	15
Обычная неделя	19
Вторые посиделки	22
Еще одна неделя	28
Наши бестолковые разговоры	34
Осенняя неделя	39
Поветрие	43
Шишкина осень	47
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Совака

Павлов А.

Уж не думаете ли вы, детки, что я скрываю от вас что-нибудь? Нет, я от вас ничего не скрываю; все мои деяния вам известны. Таков я.
Конфуций

*Есть люди, в которых живет Бог;
есть люди, в которых живет Дьявол;
а есть люди, в которых живут только глисты.*
Фаина Раневская

Иллюстратор Юрий Сосницкий
Дизайнер обложки Юрий Сосницкий

© Павлов А., 2017

© Юрий Сосницкий, иллюстрации, 2017

© Юрий Сосницкий, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-4875-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Будни

Вчера был замечательный день, да и неделя выдалась сказочная, не погода – песня! Солнце ярко сияло, птички щебетали, люди на улице приветливо улыбались друг другу. А сейчас мерзость какая-то, дождь идет то мелкий, то плещет ведрами, все вокруг серое и мрачное, ветки на деревьях от ветра порой выгибаются так, как будто им кто-то руки заламывает. Я дождался, когда пройдет стена дождя с жутким порывом ветра, после чего выскочил из подъезда и, не раскрывая зонтика, побежал к своему автомобилю, припаркованному во дворе. Какой-то хмырь в куртке с капюшоном, надетым на голову, крутился рядом с машиной, он нагибался и заглядывал через лобовое стекло в салон. Увидев меня, незнакомец что-то положил на капот и не торопясь удалился по тротуару. Дойдя до автомобиля, я обнаружил оставленный им на моей машине большой советский железный рубль с головой Ленина на аверсе. Взяв аккуратно монету пальцами, я поискал глазами неизвестного, он стоял в другом углу двора около наглухо тонированного авто. Убедившись, что я принял столь неожиданный дар, он улыбнулся, открыл свою машину, сел за руль и поехал. Номера издали было не разо-

братъ, загадочный даритель медленно удалялся.

Я сунул рубль в карман, спешно запрыгнул в свой автомобиль, завел его и попытался догнать неизвестного хотя бы для того, чтобы запомнить на всякий случай номер машины.

Интересно, кто-нибудь помнит то время, когда такими рублями можно было рассчитывать? У отца, по-моему, осталось несколько таких монет со старых времен. Сейчас, не то что монету такую, а кто такой Ленин, и как он выглядит, мало кто знает. Странно, эта штучка, наверное, имеет отношение к нумизматике, должно быть, денег каких-нибудь стоит. Зачем ими так разбрасываться?

Тонированная машина как будто поджидала меня, водитель держался в зоне видимости, но не давал приблизиться. Мы друг за другом выехали из двора и влились в городской поток. Перестраиваясь из ряда в ряд, я пытался догнать незнакомца. Когда казалось, что на следующем светофоре он уже точно попадетсЯ, я в запале погони неаккуратно крутанул рулем и задел передним крылом попутную машину.

Все, погоня закончилась. Сейчас будем разбираться, кто из нас виноват, начнем трясти друг перед другом бумажками и звонить в страховые компании и полицию.

Ясное дело, что на работу я опоздал, но ничего страшного, в труде программиста главное – результат, то есть нормально работающее приложение. Я и так двигаюсь с опережением графика, даже время на подработки иногда есть.

Несмотря на то, что день начался с отвратительной пого-

ды, загадочной погони и глупой аварии, немного радовало то, что сегодня будет зарплата, и ближе к вечеру на карточку перечислят честно заработанные денежки. Так в ожидании вечера за компьютером в офисе и прошел весь остаток дня.

Я давно женился и переехал из того района, в котором вырос, в новый отстроенный на окраине жилой комплекс. Связь с друзьями детства практически оборвалась, причем не специально, а просто мы перестали общаться. Дом, работа, постоянные хлопоты и улаживание мелких проблем уже почти лет десять занимают все свободное время, какие тут друзья. Как только электронный счет сегодня пополнится, то надо будет заехать в супермаркет и закупиться продуктами на неделю-две, приобрести какую-нибудь безделушку жене и себя порадовать не очень дорогим коньячком.

Помня утреннее неоправданное лихачество, я неспешно ехал по стоянке у супермаркета, искал, где бы припарковаться, чтобы меньше везти тележку с продуктами. Неожиданно, громко сигналив, небольшая машина нагло обогнала меня по узкому проезду, резко подрезала и остановилась. Из автомобиля вылез долговязый парняга, он радостно улыбался и протягивал ко мне обе руки то ли для объятий, то ли для рукопожатия. Это был Валера, я не видел его лет десять после того, как переехал в новый район.

– Макс! Сколько лет?! Я смотрю: ты – не ты? Поправился, солидный стал. Как жизнь?

– Блин, Валер, я, конечно, тоже рад тебя видеть, но так

можно человека и до инфаркта довести. Обязательно было тормозить так резко?

Я вышел из машины, мы обнялись.

Валера был сыном дворника, который следил за порядком и чистотой в нашем старом доме, в сталинке – одной из многих в том районе, где прошло мое детство. Их квартира была на первом этаже в соседнем подъезде. С Валеркой и еще десятком пацанов мы бегали по гаражам, чердакам и подвалам почти все школьные годы. Его отец убирался не только в нашем дворике, но и в соседних, он частенько закладывал за воротник и уходил в запои, даже отсидел пару раз за какие-то глупости, поэтому Валерка воспитывался больше бабушкой, которая, наверное, уже умерла. Он был не семи пядей во лбу, в школе перебивался с двойки на тройку, но зато был добрый и хороший друг, верный товарищ. К тому же его отец водил знакомства с какими-то темными личностями, и к Валерке никогда не приставали гопники, менты в низких чинах и другие мелкобандитствующие элементы, которых всегда в нашем городе хватало. С ним можно было чувствовать себя безопасно в любой темной подворотне во времена нашей бурной молодости.

– Давай нормально запаркуемся. У тебя есть время? Пойдем в кафешку, посидим, давно же не виделись, – предложил я старому товарищу.

Мне было приятно видеть его беззаботное лицо, как всегда без признаков серьезной мозговой деятельности. Его ко-

роткие слегка вьющиеся черные волосы уже чуть-чуть стало прихватывать сединой. Старые воспоминания о шальном детстве отвлекли от повседневных дел. Я сам как будто скинул лет десять за одну минуту.

– Максим, не поверишь, нет времени. У тебя какой номер? Давай я тебе сделаю дозвон, и попозже набери меня, надо поболтать. Столько времени прошло, блин!

Мы обменялись контактами, крепко пожали друг другу руки, и я пошел за покупками.

Уже в темноте я подъехал к дому и едва нашел место для парковки, после чего с трудом затащил пакеты с продуктами в квартиру. Кто ожидал, что дома меня ждет сюрприз? Мы с женой, конечно, когда-нибудь обязательно заведем детей, но сейчас не время. Мы давно решили, что будем раз в год поднимать этот вопрос и, чтобы не заморачиваться, сразу определять на пару лет вперед: будем рожать в этот период или нет. Последний семейный совет у нас был два месяца назад, и на нем мы единогласно постановили: повременить с размножением. Однако неудовлетворенный материнский инстинкт все-таки искал себе выход и подталкивал супругу к тому, чтобы о ком-то заботиться.

Елена – так зовут мою жену, она на пару лет помладше меня, живем мы с ней душа в душу, что значит никто не лезет в дела другого. Мы вместе завтракаем, ужинаем и спим, на этом наше общение заканчивается. Иногда мы что-нибудь обсуждаем, но общих точек соприкосновения и каких-то

совместных интересов за последние годы совместной жизни не образовалось.

Супруга всегда хотела завести себе какое-нибудь животное, но не простое, а оригинальное. Ее умиляли котики в интернете, но в то же время нужно было выделиться, чтобы было не как у всех. Видимо, ее желание наконец-то исполнилось. Она встречала меня в дверях, лицо светилось от счастья, в руках ее был размером с мой кулак комок белых перьев.

– Смотри, Максимушка, какая прелесть. Он шевелится, я же говорила, что давно мечтала завести дома животинку. Сегодня к нам на работу пришел какой-то мужик и предложил купить домашних животных, он сказал, что нашел в лесу разоренное свиное гнездо с птенцами, я купила у него одну малютку. Какая прелесть!

Лена ушла в комнату фотографировать совенка и рассылать эти картинки всем знакомым. Любит она все эти современные коммуникации, постоянно сидит в телефоне, я так понимаю, у нее там свой мир, надеюсь, что очень интересный и богатый разнообразными событиями. Я протащил сумки на кухню и начал перекладывать продукты из них в холодильник. Тем временем из комнаты доносились уси-пуси и щелчки, издаваемые смартфоном при фотографировании.

– Лена, а поужинать у нас есть что-нибудь готовое? – я сел за стол, включил телевизор и налил себе коньячка.

– Нет, дорогой, я не успела. Все с совеночком возилась.

– А его кормить ты чем собираешься? Он ведь тоже живой.

– Ну, он пока не просит, потом попробую ему молочка дать. Ой! Покакал. Максим, принеси тряпочку, пожалуйста.

Я выпил рюмку, взял тряпку и, параллельно набирая номер Валеры, пошел в комнату. Тряпку я небрежно кинул в сторону совенка, чем перепугал его. Птенец замахал крыльями и стал издавать звуки, похожие на мяуканье. Лену охватил восторг.

– Ой, он еще и мяукать умеет, какая прелесть! – фотосессия совенка продолжилась с новым вдохновением.

Я переместился в свою мастерскую, небольшое отгороженное от зала самодельной перегородкой помещение с выходом на балкон. Наконец абонент ответил.

– Валер, привет еще раз. Это я, Максим. Ну, давай, рассказывай, как жизнь молодая.

– Жизнь? Нормально! Ты-то куда пропал? У нас все по-старому, помнишь наш штабик на чердаке? Мы теперь его прилично обустроили, телевизор есть, холодильник для пива. Только народу поубавилось. Чтобы по телефону не болтать, приходи лучше завтра, как раз пятница будет, по старому адресу. Там все наши, кто остался, собираются. Придешь?

– Что, серьезно, все как раньше? Конечно приду! Во сколько?

– Часам к семи подваливай, только без машины. Пива

возьми пару бутылочек.

– Без проблем, в девятнадцать ноль-ноль буду!

Мы с пацанами облазили все закутки сталинок еще в детстве. У Валеры не было проблем с доступом к чердакам и подвалам, ведь он брал ключи у отца, а у дворника всегда должен быть свободный проход во всякие противопожарные выходы и разные технические помещения. Но было у нас одно особо излюбленное место, которое мы использовали для своих тайных посиделок. В последний раз мне довелось там побывать незадолго до своей свадьбы, однако после переезда и навалившихся забот семейной жизни дорога в старый притончик почти забылась.

На одном из чердаков слуховое окно было необычайно широким. Можно было его даже назвать панорамным. Из него открывался вид не на стену соседнего дома, который удачно находился только в километре сбоку, а на сквер, перемежающийся с гаражными комплексами. Если у окна поставить стул и сидя смотреть наружу, то видно было только небо.

Когда мы подросли, чердак стал нашим излюбленным местом для встреч и дискуссий, мало того, у каждого из нас был свой ключ от этого помещения. Там мы зависали подолгу, обсуждая насущные проблемы и строя планы на будущее. Сначала в квартире под нашим «штабом» жила какая-то алкашня, которую не удивляли звуки сверху, им бы-

ло абсолютно все равно, что творится у них над головой. Потом жильцы поменялись. Новые хозяева очень быстро стали наводить порядок. Пару раз компанию накрывала полиция, но им нечего было предъявить нам, пацанов просто сгоняли из-под крыши и заставляли разойтись. Но место было намоленное, и отказываться от своего убежища наша компания не собиралась. Тогда жильцы стали менять замки от чердака и даже пытались забить дверь гвоздями. Мы же стали заходить на чердак из другого подъезда и даже соорудили под окном помост, чтобы живущие внизу люди не слышали топота идвигающихся стульев.

Со временем или компания стала вести себя тише, или соседи опять поменялись, но никаких эксцессов и недовольства со стороны жильцов замечено не было. А может, квартиру внизу начали сдавать в аренду, либо вообще она стояла пустой. Потом юность закончилась, я переехал и женился. Надо думать, что не я один оставил дружную когда-то компанию, кого и куда закинула жизнь, завтра узнаем.

Я положил телефон, находясь на эмоциональном подъеме от предстоящей встречи с друзьями, мне захотелось выпить еще рюмочку. По пути на кухню мое внимание привлекла суета в ванной. Там перед стиральной машиной на корточках сидела Лена и задумчиво крутила ручку агрегата.

– Максим, а ты не знаешь, в каком режиме перья стирают? Тут есть бережная стирка, но девчонки мне написали, что сову лучше стирать в режиме перьевых подушек. Что, у нас

нет такого?

Я бросился открывать стиральную машину. Внутри барабана сидел нахохлившийся совенка и ждал своей участи.

– Лена, ты убить его хочешь? Ты не соображаешь разве, что это не вещь?! Он не просто захлебнется, машина ему все кости переломает.

– Но девчонки же пишут, что и совят, и мишек стирали, – она обиженно надула щеки.

– Плюшевых, наверное. Не вздумай больше так делать!

Я вытащил птенчика, он крепко вцепился когтистыми лапками в мой палец. Я взял коробку из-под обуви, бросил на дно тряпки, посадил птицу на них и отнес все это на балкон. Супруге поручил найти в интернете, чем кормят сов, а сам пошел к своему компьютеру. Настроение пропало, выпить уже не хотелось, к тому же у меня оставалась одна недоделанная шабашка – надо было довести до ума оболочку для базы данных с биологическим классификатором.

– А вообще оно мне надо, с птицами-то возиться? Но же не его оставлять нельзя – замучает бедолагу. Может, отдать кому? Надо монетку подкинуть, – размышлял я, пока компьютер загружался.

Тут я вспомнил про загадочный рубль, не поленился и пошел в прихожую, вытащил его из кармана куртки. Ну, если выпадет Ленин – то оставим совенка, если орел – то будем искать ему нового хозяина. Выпал, хотя и бородой кверху, Ленин. Судьба распорядилась оставить сову у нас дома.

Возвращение

Да, наше прибежище заметно изменилось, оно стало более благоустроенным, пацаны оборудовали его так, как в детстве мы даже и не могли мечтать. Все вещи, хотя и были старыми, но явно не с помойки, а ставшие лишними у кого-то дома, они перекочевали на чердак и продолжали исполнять свои функции.

На деревянном помосте, застеленном старым ковролином, стоял стол, несколько стульев и обшарпанный, но крепкий диван. Кто-то приволок телевизор и старый компьютер, который безвозвратно устарел, но мог соединяться с интернетом. В одном углу стоял весь в наклейках старый холодильник, в другом – к канализационному фану, проходящему через чердак, была подключена старая раковина, в нее можно было вылить остатки пива или помочиться. В большом продолговатом окне стояла новая открывающаяся наружу рама.

– Слушай, Валер, прямо апартаменты! Вы, я смотрю, разжились тут за десять лет.

Валера сидел на стуле, напротив него за столом на диване сидели еще два наших старых друга – Дениска и Мишка. Михаил потягивал минералку из прозрачного стакана, а Денис пиво из бутылки.

– С возвращением! Считаю должным напомнить для

вновь прибывших некоторые правила, – проговорил, вольготно раскинувшийся на диване, Ден.

– Первое: поддержание чистоты – всеобщая обязанность, пустые бутылки и одноразовую посуду уносим с собой после каждого посиделок. Второе: никаких женщин сюда не приводить. Третье: за все неприятности мы договариваемся нести коллективную ответственность.

– Слушаюсь и повинуюсь, – я поставил на стол пакет с пивом и чипсами. – Ну, говорите, как вы тут без меня жили.

Валера, Миша и Денис рассказывали разные истории, которые происходили тут за последние десять лет. Когда компания была больше, чего только здесь не было: и дрались друг с другом, и, бывало, приводили девушек легкого поведения. Один раз кто-то додумался мусор в окно выкидывать, так за ними полиция гонялась чуть ли не по всему городу. Но всегда все заканчивалось благополучно, тихо, без каких-либо последствий. Сейчас у оставшейся горстки друзей и ума было побольше, да и тяги к подвигам поубавилось.

К окончанию школы в нашей компании было человек пятнадцать. Со временем круг этот стремительно сужался: кто-то переезжал, и связь обрывалась, как в случае со мной. Было немало друзей, которые погибли, в основном по нелепости: кто спился, кто умер от передоза, кто пошел по криминальным дорожкам и сгинул в тюрьме либо стал жертвой бандитских разборок. Но основная масса просто поменяла место жительства и исчезла с поля зрения.

На данный момент, со слов Дениса, от той компании осталось четверо друзей: Валерий, Денис, Михаил и Владимир. Правда, у последнего что-то непонятное с головой происходит, он совсем перестал общаться с приятелями и, как полный придурок, постоянно топчется вокруг светофора на пешеходном переходе неподалеку.

– Владимир всегда был обидчивым и замкнутым, еще в детстве он постоянно считал ворон и сторонился людей, – сказал Михаил, – просто со временем его чудачества становятся более выпяченными.

– Надо все-таки пригласить его к нам на посиделки, – предложил Валерка, – было время, когда он тут с нами веселился, может, обиделся на что-то, такое у людей с тонкой душевной организацией случается.

Исходя из нынешнего изрядно поредевшего состояния компании, я понял, что оставшиеся друзья с радостью воспринимают мое возвращение. Михаил сообщил еще одно правило, а то мы слишком увлеклись воспоминаниями. Два года назад, когда друзей оставалось уже человек шесть, на очередных посиделках товарищи поймали себя на мысли, что большую часть времени они посвящают разговорам о былом: как шалили по молодости и в какие истории попадали в прошлом. Чтобы не впадать в уныние, они дали себе слово: здесь о прошедшем не вспоминать, а все разговоры должны вестись или о будущем, или о настоящем. Становиться к тридцати годам мешком воспоминаний никому не хоте-

лось, но это надо было контролировать. Договорились, что начавшему разговор со слов: «А помнишь?» – плескать пиво в лицо. Эта мера неплохо себя зарекомендовала, но не сегодня, тем не менее стоило вспоминать эту установку и одергивать друг друга.

– Будем считать правилом хорошего тона, не говорить с восторгом об ушедшем времени. Мало разве чего интересного происходит вокруг в настоящий момент? – бодро сказал Денис, взял кружку, налил в нее немного пива из бутылки, – все, хватит о прошлом, а то плескану. Давай, Макс, расскажи лучше, как ты поживаешь.

Ближе к полуночи мы начали расходиться. Валера, Денис и Михаил жили поблизости, они собрали пустые бутылки в пакеты, проложив их бумагой, чтобы не греметь в подъезде пустой тарой. Оставшееся пиво поместили в холодильник. Я вызвал для себя такси. Мы договорились созвониться к концу следующей недели, чтобы встретиться опять.

Обычная неделя

Все выходные я обустроивал гнездо для совы на своем застекленном балконе. Мне удалось расширить отверстие на улицу, которое было внизу балкона почти на уровне пола. Наверное, это был водосток. Потом нашел коробку побольше, сделал одно отверстие, которое направил в эту дыру. С внутренней стороны балкона ящичек можно было открыть, чтобы почистить гнездо и положить еду. Меня грела надежда, что когда сова подрастет, она все-таки улетит в лес, который рос в трех километрах от жилого комплекса, где я жил, но сначала надо было поставить птицу на крыло.

Выяснилось, что кормить сов рекомендуют мышами или мелкими птенцами. Важно было, чтобы птица заглатывала мясо с костями и шерстью целиком. За выходные я нашел место, где можно прикупить белых мышей. Мне пришлось долго объяснять продавцу, зачем они мне нужны. Было понятно, что живые мыши будут разбегаться при кормежке. В итоге продавец за дополнительную плату умертвил для меня пять мышей. Он просто брал их за хвост и с размаху бил головой о прилавок. Зрелище было отвратительное, мыши пищали и дергались. Да и стоило все это не так уж и дешево. Зато вечером сова была довольна. Супруге я запретил брать птицу в руки, подносить к холодильнику, стиральной машине, микроволновке и мясорубке.

– Вот это теперь твое домашнее животное, можешь его кормить в гнезде, гладить, фотографировать, но в квартиру не заносить, чтобы сова ничего не обгадила. И в руки не брать, так как может клюнуть или укусить, вдруг у нее паразиты или болезнь какая-нибудь.

Лена была недовольна, но с доводами согласилась.

– Все-таки мне нужен какой-то теплый комочек, чтобы потискать. Надо чтобы он был умильный и ласковый, я бы с ним фотографировалась, – сказала Лена, глядя как совенок разделяется с мертвыми мышатами. – А сова твоя – страшная.

– Не я же эту птицу в дом притащил. Почему она моя?

– Потому что ты ее у меня отобрал, и у меня теперь нет никакого животного.

– Ладно, заведи себе, как все, кошку. Только не стирай ее и не суши в микроволновке, вот и будет тебе животное.

Лена сразу полезла в телефон сообщать всему миру, что мы берем «котика» вдобавок к существующей сове.

В понедельник по дороге на работу, выезжая со двора, я вновь увидел впереди загадочную тонированную машину.

– Надо хоть номер записать или разглядеть, кто ей управляет, – я опять начал преследование.

Но автомобиль скрылся из вида после того, как я чуть не выехал на пешеходный переход, полный народу. Пришлось резко тормозить, остановиться удалось буквально

в полуметре от людей, толпа вздрогнула, кто-то покрутил пальцем у виска. Меня прошиб холодный пот.

– Нет, хватит гонки устраивать, больно нужен мне этот тонированный, у меня есть чем заняться.

В течение недели я еще пару раз видел этот автомобиль, он не стоял во дворе, а появлялся исключительно тогда, когда я выезжал на работу, как будто выманивал меня. Я изо всех сил не поддавался искушению начать преследование, только проезжал за ним пару перекрестков.

В четверг вечером Лена приперла котика, я не вмешивался в их идиллию с очередным фотографированием, кормлением молочком и прочими радостями кошачьей жизни. Мне надо было сообразить, чем накормить сову –дохлые мыши уже кончились. Я думал, может быть, заняться разведением грызунов: размножаются они быстро, с питанием проблем нет, едят все, что попадется. Но нет, есть уже котик, сова, еще мышей только не хватало. Ладно, как-нибудь выкрутимся. Я созвонился с Валерой, договорились встретиться также в пятницу с пивом на чердаке.

Вторые посиделки

После рассказа о своей жизни я задавал вопросы повзрослевшим пацанам и выяснял, кто чем занимается в настоящее время.

Валера плохо закончил школу и толком нигде не работал. Его отец продолжал трудиться дворником и подкидывал сыну подработки типа: что-то отнести, кого-то встретить. Эти занятия носили явно криминальный характер. Зато Валера оставался, наверное, самым простым и приятным в общении человеком. Так как в голове у него всегда гулял сквозняк, и думать ему было не о чем, то он любил и умел слушать. Сын дворника искренне мог восторгаться чужим рассказом и по-настоящему сопереживать собеседнику. Если у него и возникали свои мысли на какой-то счет, то, зная заранее, что это глупость, он выражал их очень осторожно и никогда не был настойчив и упрям.

В настоящее время через знакомых отца ему подсунули работу по продвижению в интернете систем безопасности. Несмотря на сложность названия, работа заключалась в том, что ему надо было монтировать скрытые камеры и видеорегистраторы в самые неожиданные места. Наиболее удачные ролики он выкладывал на заранее созданном для этого сайте со своими комментариями. У него получалось что-то вроде: смотрите, только наша фирма может установить камеру в та-

ком неожиданном месте и увидеть ту чушь, которую вы только что посмотрели. Как ни странно, сайт стабильно посещали и, мало того, комментировали снятое убожество. Отзывы были самые разные. Отвечая на колкости пользователей, Валера по своей привычке ни с кем не спорил: если ролик ругали – он соглашался, если хвалили – ставил лайки.

Денис же закончил исторический факультет, но увлечение бодибилдингом сделало его гуманитарным тренером по фитнесу. По его фигуре угадывалось, чем он занимается, завалить троих с его комплекцией не казалось проблемой. Он неплохо зарабатывал, клубы перекупали его. Дело в том, что у него было еще одно увлечение, он мог сам сделать исторический костюм. Когда он, шутки ради, первый раз нарядился на тренировку римским легионером, это произвело фурор. Накачанный, играющий мышцами древний воин привлекал клиентов. С ним было интересно беседовать как начинающим, так и бывалым спортсменам. Руководство клуба стало обязывать его облачаться на работе в одежду прошедших эпох.

После пивных посиделок с друзьями, на следующий день, он шел в спортивный зал в греческом хитоне. А когда получал зарплату – надевал тогу римского консула с позолоченным венком из лавровых листьев. Надо отдать должное, костюмы он делал сам, и, наверное, в них была сохранена историческая правда.

Михаил постоянно менял работу в поисках большего за-

работка. Сейчас он то ли уволился, то ли его сократили из какой-то крупной компании, и он пассивно искал нового работодателя. Кроме того, Мишка собирался жениться, но радости от этого не испытывал.

По большому счету, у моих друзей мало что изменилось, они оставались теми же людьми, которых я помнил раньше. Тот перерыв в общении, длиной в десять лет, потраченный на карьеру, обустройство семейной жизни, поиски и самоутверждение себя как личности, мне казался теперь напрасно ушедшим временем. Сидя в изрядно поредевшей компании за бутылочкой пивка, я не ощущал этого разрыва, наверное, сейчас я оказался в том месте, где должен был находиться всегда.

– Ну, Валер, чего интересного наснимал наш секретный оператор? – подначил Денис.

– Все одно и то же: ходят все туда-сюда. Одна радость – это камера за гаражами, туда каждый час кто-то поссать заходит. Я ролики нарезаю и выкладываю одним куском в убыстренном виде, – ответил Валерий о своих успехах.

– Что, действительно, есть поклонники твоего творчества?

– Больше, чем ты думаешь! Так как камеры мне для экспериментов дают хреновенькие, то все гаражи на них выглядят одинаково. Теперь каждый в городе думает, что это мочатся на его гараж. Я же адрес не указываю, где камера висит. В конторе продажи растут. Хорошо! – отхлебывая пиво

из бутылки, сказал Валера.

– Что у тебя новенького, Макс? Ты у нас теперь великий программист, да к тому же женатик. Могу тебе и супруге твоей абонемент с дисконтом сделать в наш фитнес—клуб. Не хочешь?

– Вот пару шабашек сдам, деньги появятся, сразу займусь фитнесом, – невозмутимо ответил я.

– Да ладно жадничать, на машину ты заработал, на квартиру тоже. Сам не хочешь, так жену отправь в спортзал. Или ты опасешься, что там ее какой-нибудь накачанный аполлон очарует? – продолжая потягивать пиво, спросил Денис.

– Она сама кого хочешь подцепит и через мясорубку пропустит, – я поведал, как Лена хотела постирать совенка в стиральной машине, рассказ вызвал дружный смех.

Михаил подошел к холодильнику и достал бутылочку пива.

– Что, тебе не надо за руль завтра с утра? – удивился Валера. – А то я уже забыл, когда тебя с пивом видел. Ты же не потребляешь алкоголь во всех видах.

– Я машину Катьке отдал покататься, хочу на недельку за город свалить, пожить на природе, насладиться тишиной, – отвечал Михаил.

– Так тебе как раз машина-то нужна, чтобы путь туда держать, – возразил Денис.

– С моей будущей супругой особо не поспоришь, ей припичило на моей тачке на работу ездить, дескать, я все равно

бездельничая, – развел руками Мишка, – ничего, на автобусе доберусь.

– Макс, я вот разобрался, как комментарии блокировать, могу даже страничку немного подредактировать. Если желание будет, то, наверное, и сайт написать смогу. А ты что там программируешь? – спросил меня Валера.

– Валер, без обид, но для того чтобы ты смог сайты делать, сначала программисты и поработали. Хотя сейчас, откровенно говоря, мне какую-то ерунду подкинули. Приходится восстанавливать движок биологического справочника. Первые разработчики с заказчика деньги взяли и свалили, ничего не доделали, только все напутали.

– Я не биолог, а историк. Был бы исторический справочник, я попробовал бы тебе разъяснить, что откуда и куда, – выразил готовность помочь Денис.

– Там не особо сложно. Просто база данных с классификацией. Однако чувствуется, что биологи далеки от точных наук. У них одни и те же признаки могут пересекаться в совсем разных, не родственных объектах. Создается ощущение, что они сами путаются в своих червяках и моллюсках.

– Скорее всего, они придумывали, как им поделить своих опарышей в рамках какой-то одной теории, потом научный взгляд изменился, и жучков твоих стали классифицировать по новым критериям. Причем старые названия и признаки никто не отменял. Произошло наложение. И так несколько раз. Вообще-то, если в научном знании есть прогресс, то та-

кие накладки неизбежны. Просто, по сравнению с историческими науками, биология имеет огромную скорость развития, – прокомментировал, размахивая пивной бутылкой, Денис.

– Ладно, завязывай, кому это интересно? – я открыл очередную порцию пива. – У тебя, наверное, бывают более занятные истории из спортзала. Какую красотку ты теперь взялся прокачивать на тренажерах? Может, тебе удастся развить какую-нибудь пессию до состояния жены?

– Упаси боже! – поперхнулся Денис. – Давай лучше приходи к нам в клуб, я помогу тебе подыскать программисточку. Кстати, девушки твоей профессии частенько у нас тренируются. Блин, я еще не привык к тому, что ты у нас женатик, извини.

– Может быть, ты мне там дворничиху лучше подыщешь? – вставил заскучавший Валера.

Мы опять расходились ближе к полуночи. Довольный проведенным с друзьями вечером, я заказал такси и отправился домой. Надо было кормить сову.

Еще одна неделя

Птица ела обычное мясо, но было видно, что ей после этого нездоровится. Срочно нужны были свежие грызуны с шерстью. На этот раз я решил ехать за мышами вместе с Леной, пусть полюбуется, как их шлепают, в конце концов, это она притащила сову, почему я один должен страдать при виде убийства невинных млекопитающих.

Продавец узнал меня, он сообщил, что придумал, как умерщвлять мышей без лишнего визга, но за это потребовал еще доплату, пришлось согласиться. Он вытащил металлический поддон и молоток. Взяв мышь в левую руку, так чтобы торчала только мордочка, он прижимал ее ко дну поддона, стоявшего на кафельном полу, правой рукой брал молоток и резко с размаху бил мышь по голове. Голова сплющивалась, по поддону растекались мозги и кровь. Лена, молча, как замороженная, смотрела на это действие. Наконец палач собрал тушки в пакетик, мы расплатились и поехали домой. Всю дорогу супруга не проронила ни слова. Когда подъехали к дому и припарковались, она неожиданно обняла меня и очень эмоционально поцеловала, я уж и забыл, когда в последний раз мы так сладко и проникновенно лобзались.

– Спасибо! Это было так здорово, я кончила там, в магазине, – сказала Лена и опять накинута на меня.

В понедельник я вновь увидел дарителя рубля, на этот раз его автомобиль стоял недалеко от моей машины. Я запомнил номер и, усаживаясь за руль, записал его карандашом на противосолнечном козырьке. Потом послушно поехал за ним, казалось, он повторяет мой ежедневный маршрут. Не доезжая километра до моей работы, он резко взял вправо, и я инстинктивно тоже повернул руль в ту же сторону. В итоге мой автомобиль врезался в дорожное ограждение: треснул бампер и разбилась фара. Хорошо, что хоть само ограждение осталось целым, не надо будет платить за его восстановление. Мне уже накладно обходилась игра в догонялки с этой машиной.

Вечером за ужином Лена заявила, что надо срочно кастрировать Пушка, так она назвала котика. Я начал с некоторой опаской относиться к ее желаниям. Мало ли, что она там еще удумает, и на всякий случай встал на защиту кота из чувства мужской солидарности.

– Он пока еще котенок, зачем издеваться над животным? Может быть, через месяц он надоест тебе, и ты захочешь его отдать.

– Нет, подруги пишут, что надо непременно кастрировать, пока в нем не проснулось это желание, потом ему будет тяжелее, он начнет вспоминать, что был некастрированным и будет грустить. Выдели мне денежек на эту операцию, пожалуйста.

Я пошел за деньгами, что еще оставалось делать. Все ради семейного счастья, любой каприз.

В бумажнике лежал большой железный рубль. Я подкинул монету и поймал в зажатый кулак, если выпадает Ленин – то кастрируем; если орел – то нет. Я разжал пальцы. На руке блеснул профиль отрезанной головы Ильича.

Вечером следующего дня, придя домой с работы, я увидел довольную Лену, таскающую перебинтованного котенка, причем замотан он был весь.

– Что, операция прошла успешно?

– Ты не поверишь! Это оказалась кошечка, ее не надо кастрировать.

– А зачем бинты?!

– Когда ветеринар сказал, что тут нечего резать, я очень расстроилась и написала на своей страничке, что мне очень грустно, когда не получается то, что запланируешь. Мне подруги написали, что тогда надо удалить лапки, лучше все четыре, чтобы кошечка не убегала. Теперь, когда ранки заживут, у меня будет пушистый комочек с хвостиком, который я буду всегда носить с собой. Правда круто?

Я растерянно сел на стул в прихожей. Что-то сказать не получалось. «С кем я вообще живу?» – пронеслось в моей голове.

– И что, просто отрезали?

– Нет, не просто! Я долго уговаривала ветеринара, пришлось заплатить больше, чем планировали. Зато он удалил

лапки прямо из суставов, так чтобы обрубки косточек не царапались. Ну, согласись, что это гораздо лучше.

– Лена, ты в своем уме? Ты изуродовала здоровую кошку, как она будет без лап жить, ей же надо будет в туалет ходить, ну и вообще, двигаться!

– Не волнуйся, я все продумала. Буду ее носить с собой, а на ночь класть в коробочку на столик, пусть там сикает. Кстати, лапки мне отдали, я их положила в морозилку, тебе показать хотела. Ты же мне казнь мышей показывал, я подумала, что тебе тоже будет интересно.

Я ушел в свою мастерскую и громко хлопнул дверью. Минут пять просто сидел на стуле, не двигаясь. Потом вспомнил про сову на балконе и пошел проведать птицу. «Как хорошо, что я тебя от этой живодерки спас», – думал я, открывая коробку.

Совенок подрос за неделю и хотел кушать все больше, увидев меня, он довольно заворчал и стал разглядывать мои руки – не принес ли я ему поесть. Я вспомнил, что дохлые мыши кончились и вернулся на кухню, чтобы отрезать кусок мяса.

Открыв холодильник, я увидел кошачьи лапки. Только вчера кошка перебирала ими веревочку и увлеченно играла, а теперь они лежат в пакете и сверкают розовыми подушечками. Ком подступил к горлу, меня чуть не стошнило. Я закрыл дверцу, наверное, мясо в таком состоянии отрезать у меня не получится. Сходил в ванную, умыл лицо холодной

водой, потом вернулся на кухню. Превозмогая отвращение, я достал-таки пакет с лапками и понес кормить ими птицу. Брезгливо высыпав перед мордой совенка четыре свежих кошачьих лапки, я не стал смотреть, что будет дальше, и закрыл коробку. Судя по звукам, сова была очень даже довольна и с радостью приступила к трапезе.

Эту ночь я спал отдельно от супруги, я начал ее уже откровенно побаиваться, даже на всякий случай закрыл замок, а то вдруг мне ночью чего-нибудь отрежут.

С утра, как обычно, я поехал на работу. Загадочная тонированная машина опять какое-то время ехала впереди, но, видимо, поняв, что гоняться я не собираюсь, куда-то исчезла. Странно, ведь ехать впереди кого-то невозможно, если ведомый не согласен двигаться следом. Все-таки получается, что это не он от меня убегает, а я хочу за ним ехать. Маршрут я иногда меняю, причем порой кардинально, так что он не может знать, в каком направлении я поеду сегодня. Ерунда какая-то, голова после вчерашних кошачьих лапок не хотела соображать. Я отложил этот вопрос, может быть, какую-нибудь программную модель потом сделаю, чтобы понять, почему я за ним каждый день катаюсь.

На работе особого напряжения не было, и я снова занялся левым заказом. Пришлось включаться в биологическую тему и разбираться в кривом справочнике. Названия, конечно, красивые: лорициферы, онихофоры, форониды! Но почему, будучи в одном таксоне, они в рамках разных гипотез отно-

сятся к противоположным надтипам. Похоже, без биологов я здесь не разберусь. Или сделать два разных классификатора? Пусть пользуются тем, какой им больше нравится. Я ведь не знаю, какой гипотезы придерживается заказчик. Нет, я понял, они сами ни хера не знают. Создам-ка я свою теорию, если успею деньги получить раньше, чем они это поймут, то, уверен, что ученые сами подготовят научное сообщество к новому взгляду на животный мир.

Наши бестолковые разговоры

Всю неделю стояла жаркая погода, солнце сияло ярче, чем обычно. В это время года машин в городе было немного, и воздух был прозрачен. Видны были язычки горячего ма-рева, которые, колеблясь, поднимались от асфальта вверх и растворялись в атмосфере города, столь богатой разными загадочными примесями и чудными ароматами.

В очередной вечер пятницы мы собирались на чердаке. Я встретился с Денисом в магазине, мы затарились и потащи-ли пиво с чипсами наверх. Под крышей было душно. Вале-ра задерживался. Ден поставил пакет на стол и направился к окну.

– Надо пиво в холодильник быстрее ставить, а то прокис-нет в такой жаре, и в нем какие-нибудь червяки заведутся, – сказал Денис, открывая окно.

– Кстати, о червяках. Я почти доделал заказ с классифи-катором, столько разных тварей оказывается есть на белом свете. Интересно, что одних различают просто по внешнему признаку, а других по их, так сказать, внутриутробному раз-виту.

– Не знал, что червяки в утробе развиваются.

– Да не в этом дело. Есть, например, вторичноротые, у ко-торых первый рот это анус, а второй рот, как у тебя – для пива.

– То есть анус – это рот?

– Да, правильно! А есть, к примеру, животные, у которых второй рот отсутствует, они и едят, и испражняются через одно отверстие.

– Фу! – Денис высунулся в окно.

На чердак зашел Валера.

– Ничего не «фу». Вон отец рассказывал, как на спиртзаводе, чтобы не попасться, мужики в жопу ватку со спиртом засовывают и весь день пьяные ходят. Там же камеры кругом, пить нельзя, а ватку намочить – спокойно.

– Да, слышал, типа там какие-то впитывающие железы есть, и все сразу напрямую в кровь поступает, – сказал я, размещая бутылки в холодильнике.

– Что вы вечер с гадостей каких-то начали? Давайте лучше пиво пить, сегодня футбол. Кто там у нас играет? Валер, включи телевизор, – Денис стоял у окна и купался в потоке воздуха, который свежим сквозняком разносился по душному чердаку.

Валера был ближе к пульту, он нажал на кнопку и спросил:

– Макс, а зачем тогда второй рот нужен?

– Я же не биолог. Насколько могу понимать, то для того чтобы пища по кишкам проходила и последовательно усваивалась. Сначала одни вещества, потом другие. То есть в одно отверстие вошло, переработалось и через второе вышло. Логично?

– А почему тогда выходное отверстие тоже ртом называ-

ют?

– Я не помню, по-моему, у него еще другое название есть. Просто у каких-то примитивных животных нет кишечника, они все в один мешок засасывают, переваривают, потом этот мешок опорожняют через ту же дырку, которой пищу поглощали – это первичный рот. Потом в процессе развития разные твари получили себе еще одно отверстие, которое использовали только для заглатывания еды, и оно стало вторичным ртом. Та дырка, что раньше была и входом, и выходом, стала только выводить переваренное, хотя и осталась по сути первичной.

– Ну что за тема, вам больше не о чем поговорить? – возмутился Денис.

Он взял телефон и набрал номер Михаила, абонент не ответил. Ден отправил какое-то сообщение и, глядя в телефон, покачал головой.

– Вот единственный нормальный человек, и тот трубку не берет. Может, Валер, у тебя получится до него дозвониться.

– Зачем Михаила беспокоить, он же сказал, что поедет наслаждаться тишиной и одиночеством в своей деревне, пусть отдыхает, – ответил Валера.

Мы переключились на просмотр футбольного состязания. Время пролетело незаметно. За окном было уже темно, матч закончился. Напившись пива, довольные и отдохнувшие мы собрались расходиться. В животах урчала и переливалась по-

глощенная жидкость. Валерий громко рыгнул.

– Вот для чего еще нужен рот, чтобы воздух из червяка выпускать, – сказал я, собирая пустые бутылки в пакет.

– Какого червяка? – не понял Валера.

– Которого ты только что пивом заполнил, – ответил я. – После того как тебя зачали и клетки только начали делиться, первое что у тебя образовалось – это твой анус, из которого вырос червяк-кишечник, а потом вокруг него стало формироваться то, что стало тобой.

Валера выпучил глаза. Мы с Денисом громко рассмеялись.

– Не обижайся, – я протянул руку и похлопал Валерку по плечу, – не ты один такой, у Дениски тоже сначала жопа появилась, и только потом рот прорезался.

– А ты откуда знаешь? – Валере явно была интересна эта тема.

– Это общие принципы эмбрионального развития для всех животных. Сначала формируется то, что станет анусом, потом все остальное.

– Все, закрываем тему, пошли по домам, – сказал Денис, доставая ключи от чердака из кармана, – возьми, Макс, пожалуйста, другую шабашку, чтобы не так противно о ней можно было говорить.

Домой пришел я совсем поздно. Пока снимал обувь, мимо меня из туалета прошмыгнула Лена

– Сова накормлена, можешь спать спокойно, – сказала она сонным голосом.

– Чем ты ее, интересно, накормила?

– Я сегодня опять к ветеринару ходила, мы Пушинке хвостик отрезали. Теперь она будет идеальной кругленькой кошечкой, да и сова твоя с удовольствием этот обрубок проглотила. За мышами я сама завтра съезжу. Спокойной ночи.

Я закрыл дверь в свой кабинет на замок, забился в дальний угол и, только положив отвертку под подушку, смог уснуть.

Осенняя неделя

Во вторник мне удалось поймать водителя тонированного автомобиля. Это был совершенно обычный с виду молодой парнишка, только какой-то мелкий и щуплый. Он сидел с открытой дверью в своей машине и кого-то ждал, а я как раз шел мимо него.

– Молодой человек, вы три недели назад мне на машину рубль положили. Зачем вы это сделали? – спросил я как можно более сурово.

Парень вытаращил глаза и потянулся закрыть дверь в машину. Я поставил ногу так, чтобы не допустить захлопывания двери.

– А потом вы меня преследовали, вернее, делали так, чтобы я вас догонял. С какой целью, позвольте спросить?

Паренек перестал суетиться и загадочно улыбнулся, было похоже, что он сидел здесь и ждал этого разговора со мной, а первый испуг он искусно сымитировал.

– Это что, рубль такой был? А-а, вот оно что. Я-то думал, что это от вашей машины отвалилось. Ну и положил эту штучку на капот, чтобы точно не потерялась. Преследованиями я не занимаюсь. Да, я видел вашу машину потом, но мы здесь с матерью квартиру снимаем, и я никого из жильцов не знаю, вас вот первый раз вблизи разглядел.

Я убрал ногу и отступил в сторону. Почувствовав себя

неудобно, я буркнул что-то себе под нос, пытаюсь извиниться за бессмысленный наезд, и засеменяю к своему автомобилю. Честно говоря, ощущал я себя полным идиотом. Пока я заводил машину и включал музыку в салоне, паренек проехал мимо меня. Странные чувства вновь овладели мной, я ничего не мог с собой поделать и поехал за ним. Моя машина упорно следовала за его тонированным седаном, маневрируя в потоке и пытаюсь приблизиться, пока не ткнулась своим треснувшим бампером в зад автобусу. Надо прекращать эти дурацкие погони. Откуда взялась эта мания? Как-то нужно попытаться совладать с этим и остановить себя.

Когда через день я опять увидел эту машину, выезжающую со двора, мне огромным усилием воли удалось сконцентрироваться и взять себя в руки. Я заставил свои ноги развернуться от авто и пойти на остановку общественного транспорта. Все равно машину пора было отдавать в ремонт: фары треснули, помято одно крыло, деформирован капот и почти рассыпался бампер.

С работы я позвонил в несколько сервисов и договорился с одним из них о ремонте автомобиля. Также удалось дозвониться в ветеринарную консультацию и задать вопросы по поводу кормления совы, а то покупать мышей становилось дороговато, а где брать свежеслупленных цыплят, я не знал. Оказалось, что моего питомца можно кормить еще обычной курицей, но важно, чтобы в желудок совы попадали перья и кости. Насчет кормежки котятами ветеринар сказал,

что если сова ест их – то кормите. Я возразил, что мне жалко котят, прозвучал ответ: «Вот кого вам больше жалко, того и кормите. Можете совят котятами, а можете котят совятами, разницы никакой нет».

Вечером я нашел в магазине плохо общипанных куриц. Дома расчленил их тесаком на мелкие части и попробовал накормить сову. Она с удовольствием проглотила мелкие кусочки. Остатки курятины я заморозил. Лене сказал, что никаких денег на операции больше давать не буду. Если возникнет желание накормить сову, то есть замороженная курица. Если ей нравится смотреть на казнь мышей, то она может ездить туда самостоятельно и из своего кармана оплачивать это зрелище, адрес она знает.

Классификатор двигался к завершению. Я, не заморачиваясь, расставлял признаки млекопитающих насекомым, рыбам приписывал птичьи свойства, а каких-то медуз причислил к высоко социальным животным. Так, по крайней мере, быстро разделаюсь с заданием. Если заказчик ко мне обратится для того, чтобы подправить ссылки, то пусть он даст мне хоть какие-то правила или алгоритм. С какой стати программист должен знать, кто такая нематода и где живут гельминты.

Не буду гадать, совпадение или нет, но параллельно с работой над биологическим справочником мой дом за две недели тоже превратился в какой-то зверинец. За короткое время у меня появились молчащая и вечно жрущая мясо

сова, постоянно орущая изуродованная кошка и обиженная на меня жена, непонятно что вынашивающая в своей голове.

За ужином я высказал пожелание, что если уж она не смогла сразу убить бедное животное, а решила над ним поиздеваться, то, может быть, предпримет какие-нибудь меры, чтобы я не слышал воплей мучающейся кошки. Лена кивнула и стала что-то быстро писать в смартфон. По ее лицу было понятно, что Пушинку ждут новые эксперименты.

Я с нетерпением ждал вечера пятницы, чтобы как-то отвлечься от этого дурдома.

Поветрие

Валерка находился в необычном для него возбуждении.

– Когда меня дома не было, к отцу пришли какие-то три девки, им наш домашний адрес фирма дала, которую я рекламирую в интернете. Ну деньги они мне за это платят. Они же не знают, что это я страничку веду, их директор только с моим отцом общается. Так вот, пришли и спрашивают: «Где тот человек, который знает главную тайну мироздания?»

– Это ты, что ли, тот человек?

– Да подожди! Отец мой, сам знаешь, как разговаривает: у него только мат внятно получается, я-то привык, а девки все не так поняли. Хотя это он мне пересказал, что там было, – Валерка возбужденно размахивал руками.

– Что рассказал-то?

– В общем, он их на своем языке послать хотел, а получилось что-то вроде: «Пока бестолковке очко не прочистишь, она благодать не приемлет». Ну, там не «благодать», конечно, была. Девки в восторге сказали, что все поняли, и теперь он будет их наставником. Типа они хотят знать все тонкости его учения. Отец еле от них метлой отбил. Плевался, матерился, обещал им поливочным шлангом кишки промыть. С трудом за дверь вытолкал. Ну и мне попало, когда я домой пришел.

– Так! Тебе за что? – спросил я, запивая пивом Валеркин рассказ.

– Мы тут с вами про анусы и червяков в прошлый раз болтали, я и начал комментарии делать в таком стиле. Как сказать, анатомическом, что ли?

– Ну-ка, изобрази, – заинтересовался Денис.

– Включи комп, там все есть на страничке, – ответил Валерий.

Мы включил старенький компьютер, Денис с нетерпением помахивал открытой бутылкой пива. Наконец старая развалина загрузилась, я набрал продиктованный Валерой адрес. Высветилась страничка фирмы с рекламой, телефонами и описанием продукции.

– Ну и где?

– Зайди во вкладку «наши работы» и читай комментарии.

Открылась страничка с роликами. Их названия, надо сказать, были оригинальными: «кишечник вашего подъезда», «пищеварительная полость автомойки», «аппендикс мусоропровода», «сфинктер на выходе из метро», «подземный переход тошнит людьми».

– Это, что ли, твое творчество? – спросил удивленный Денис.

– Да, мое! – гордо произнес Валера. – Там комменты есть к видео, ты их читай. Девки эти из-за комментариев пришли, – проговорил покрасневшийся Валерка.

Ниже каждого видео располагались обрывочные диалоги:

– Где тут сфинктер?

– Автор – сам анус.

– Это вас каждый день через кишки пропускают, а вечером вытуживают поближе к дому.

– Кто это написал – тот сам говно.

Или такой:

– Как не стать едой в большом городе?

– Не дай себя переварить!

– Автор – вонючее чмо.

– Если вы еда, то дайте кусочек.

– Хрен тебе.

– Сам не будь кишкой.

– Не перевари, да и не переварим будешь.

– И тебе не хворать.

Подобных невнятных грубых обрывков человеческого гавканья хватало под каждым видео.

– И где тут глубокая мысль о мироздании? – спросил Денис.

– Вы же не все прочитали, я там много чего писал. Наш прошлый разговор почти весь в комментариях своими словами изложил, – возразил Валерий.

– Но мы же ничего такого не говорили! А... Главное здесь то, что это было сказано «своими словами». Ты, видать, развил мысль, и твоя трактовка нехило зацепила этих девушек, – догадался Денис.

– Что же теперь делать? Они же к отцу продолжают приста-

вать, – попросил совета наш друг.

– Валер, повесь камеру и запиши, что они от него хотят, чтобы не со слов твоего отца пытаться понять суть вопроса, а из первоисточника, так сказать, информацию получить.

Валерка кивнул и сказал:

– Ладно, попробую. Кстати, Мишка вторую неделю на звонки не отвечает и не перезванивает. Что делать будем?

– Заотдыхался, наверное, скоро объявится, а пока можно попробовать сумасшедшего Володьку на пару бутылок пива затащить на чердак. Пусть хоть расскажет, зачем он со светофором обнимается на переходе и что потом в кустах рядом делает, – усмехнулся Денис.

Так за разговорами прошло время, пора было расходиться и возвращаться к привычной жизни, вовсе не такой интересной, какой она казалась при обсуждении с друзьями.

Шишкина осень

Начало

Прибыв к месту назначения, Михаил осмотрелся. Старый дом выглядел пригодным для жилья, нужно было лишь слегка подлатать крышу и заменить пару досок на крыльце. Заросший бурьяном двор-сад простирался метров на пятьдесят во все стороны от избы. По левую руку в кустах прятался соседский дом, как будто выполненный под копирку, но более ухоженный, даже перила на крыльце блестели свежей зеленой краской. За домами располагался редкий лесок. По правую руку и со стороны дороги участок был огорожен наполовину сгнившим забором. Чуть дальше за этим ограждением чернела еще одна такая же одноэтажная избушка, но вид у нее был абсолютно заброшенный. За спиной у Михаила оставалась единственная в деревне кривая дорога, по которой он, собственно, и пришел с остановки автобуса.

Молодой человек получил этот дом в наследство от деда еще в прошлом году, но работа не пускала хорошенько познакомиться с новым владением. Только сейчас, попав под сокращение штата, у него появилось время, чтобы навестить свое хозяйство. Это была прекрасная возможность немного сбавить темп, отдохнуть перед новым этапом жизненного пу-

ти, который должен был вместить в себя безоблачную семейную жизнь, радужные перспективы обзавестись потомством, интересную работу и успешную карьеру.

Где-то в глубине сознания он допускал возможность плюнуть на все и стать деревенским жителем, но это больше походило на нелепую фантазию, не имеющую под собой основания. Он привык работать и чувствовал себя неуютно, если ему вдруг оказывалось не нужно ходить по утрам в офис и осуществлять какие-то привычные манипуляции.

Он уже разместил резюме на специальных сайтах, и даже начали поступать звонки с приглашениями пройти собеседование. Самым важным было то, что Михаил со своей подругой Катей договорились через три недели ехать в загс, подавать заявление. Невеста была девушкой с амбициями, ей нужно было завершить пару проектов на работе, и только потом она смогла бы определиться с датами медового месяца. Молодой же человек не был обременен какими-либо серьезными обязательствами.

В свои неполные двадцать девять лет Михаил имел маленький животик, лысеющую голову, небольшой кредит в банке и уверенность в светлом будущем. Вообще-то, полученный в наследство дом он планировал продать, закрыть кредит, а остатки денег пустить на обустройство семейной жизни, которая приближалась с каждым летним днем, как долгожданная золотая осень.

Часть своих вещей из городской квартиры, которую он де-

лил со старшей сестрой, Михаил уже перевез к Кате. Счастью сестры не было предела, она радовалась тому, что брат скоро съедет, и тешила себя надеждой, что в свободной квартире ее шансы наладить-таки личную жизнь значительно увеличатся. Хотя прежде дома ее не бывало неделями: то она к кому-то переезжала жить, то уезжала на курорт – но свое пространство в квартире она оберегала ревностно. Сейчас, имея в своем распоряжении полностью свободную жилплощадь, она была уверена, что уж теперь точно захомутает себе какого-нибудь женишка.

Михаил тем временем, убедив Катю, что ему перед поиском новой работы и предстоящими семейными обязанностями просто необходима смена обстановки, сбежал в деревню. Он надеялся, что ближайшие пару недель его никто не побеспокоит, и ему наконец удастся сделать маленький перерывчик в городском ритме жизни. Он планировал хотя бы дней пять провести на свежем воздухе, расслабиться, отвлечься от бесконечной суеты, к тому же стояла солнечная теплая погода. Август близился к концу.

Первый день

Внутри дома пахло плесенью, толстый слой пыли лежал на мебели и подоконниках.

– Да, – подумал Михаил, – прежде чем выставлять имение на продажу, надо будет завести сюда Катерину, чтобы при-

бралась немного.

Он достал из рюкзака бутылку водки, консервы и хлеб.

– А сейчас мы справим новоселье! – радостно обратился он к себе.

Михаил постелил заранее прихваченную из города скатерть на грязный стол. Отыскав рюмку и нож в пыльном шкафу, он углом скатерти протер посуду, отрезал хлеб, открыл баночку консервов и, сосредоточенно пыхтя, наполнил рюмку водкой. Оглядевшись вокруг, он присел на самодельный топчан, стоящий возле стола, поднял стопку, вздохнул и выпил.

Пока он закусывал, ему показалось, что в окне рядом с дверью промелькнула тень, но не стал заострять на этом внимание. Потом вдруг услышал, что кто-то потоптался на крыльце, кашлянул и чем-то скрипнул. Михаил решил, что пора знакомиться с соседями. Он широко распахнул входную дверь и хотел было громко сказать: «Видать, хороший человек, раз к столу пожаловал!» – но осекся: на пороге никого не было. Он огляделся – тишина, только где-то за домом раздавалась птичья перекличка.

Будучи в полной уверенности, что за дверью только что кто-то был, молодой человек решил обойти дом.

Вплотную к стенам росли крапива и какие-то кусты. Идти было не очень удобно, поэтому Михаил смотрел больше под ноги, а не по сторонам. Повернув за угол дома, он увидел пристроенный к стене ветхий сарай, покосившаяся дверь

которого была приоткрыта. Перешагивая кусты, он пробрался до двери и заглянул внутрь. Благодаря лучикам, струящимся через дырявую крышу чуланчика, виднелись старые инструменты, допотопный садовый инвентарь, самодельная лестница, коробки с ржавыми кривыми гвоздями, какие-то кулечки и свертки. Вдруг он услышал, как хлопнула входная дверь в дом.

Бросив осматривать хлам, Михаил развернулся и уже почти бегом припустился обратно. То ли от волнения, то ли от быстрой ходьбы у него слегка перехватило дыхание. Дома он обнаружил, что, вроде как, уменьшилось количество водки в бутылке, а закуски, кажется, кто-то пощипал. Все остальные вещи были не тронуты.

Михаил отдышался. Он почувствовал прилив возмущения, плавно сменяющийся растерянностью. На кухне и в двух комнатенках, как следовало ожидать, никого не было. С нарастающим беспокойством молодой человек достал из рюкзака ключи, сунул перочинный нож в задний карман штанов и, тщательно заперев входную дверь снаружи, пошел искать непрошеного гостя по горячим следам.

За порогом на гравийной дорожке, ведущей от крыльца до калитки на улицу, виднелась чуть помятая жидкая растительность, еще была протоптанная им же самим тропа до сарая. Никаких других следов не наблюдалось, да и спрятаться тут было негде. Михаил решительно направился к калитке.

На кривой деревенской улице было тихо, где-то очень да-

леко, за холмом, залаяла собака, больше не было ни души. В глаза ласково светило солнышко, и приходилось щуриться.

В соседнем дворе, где стоял дом с покрашенным крыльцом, скрипнула дверь. Он осторожно двинулся на звук, стараясь не нарушать картинную идиллию, которую представляла собой тихая деревенская улочка. Было даже странно, что здесь, в таком романтическом захолустье, могут быть жулики.

Вдруг открылась калитка в заборе на противоположной стороне дороги, и прямо на Михаила бросился худой с длинными слипшимися волосами мужчина. Не добежав двух метров до остолбеневшего молодого человека, незнакомец оступился, упал навзничь и замер.

– Вы в порядке? – испуганно поинтересовался Михаил.

Тут он вновь услышал звук хлопнувшей двери на том участке, к которому направлялся. Подумав, что если его увидят спокойно стоящим над распростертым на земле человеком, то обвинят в избиении или, по крайней мере, в неоказании помощи, он присел на корточки и похлопал лежащего по плечу.

– Я могу вам помочь? – осторожно спросил Михаил.

– Никогда не ходи там, это в твоих же интересах, – корчась на земле, ответил мужчина.

– Хорошо, не буду. Вам помочь?

– Да, помоги мне сесть. Меня зовут Слава.

Поддерживая за локоть и приподнимая этого странного

человека, Михаил ощутил запах спиртного, но так и не понял, пахло от мужчины или от него самого.

Слава продолжал:

– Видишь? Провода низко висят. Столб наклонился, в любой момент может упасть. Как только провод дотянется до земли, то все живое вокруг выжжет! И тебя может убить электричеством. Все нормальные люди ходят по другую сторону улицы. Понял?! Ты вообще кто?

– Я Михаил, внук Александра Шишкина, он в конце прошлого года умер. Вот приехал проведать хозяйство, – сказал молодой человек, махнув рукой в сторону своего дома.

– А, наследничек приехал. И сразу под провода полез! Так ведь твой дед от этого и помер, что его током постоянно било, он сам рассказывал. Ложку берет – его током шарахает, в огороде копается – его опять электричеством херачит. А когда его мертвого в доме нашли, то он крепко в руках сжимал ведро, а руки-то все черные, и шерстью паленой вокруг воняло.

– Так вы меня спасать бросились?! Тогда могу вас отблагодарить, – Михаил показал Славе сжатую ладонь с оттопыренными большим пальцем и мизинцем. – Рюмочку? За знакомство, не желаете?

– Нет, спасибо, я уже, так сказать, того. Хотя... Одну можно, если за знакомство.

Пока шли обратно в дом, Михаил заметил, что Слава слегка прихрамывал. На вид ему было лет сорок пять, выглядел

он как обычный забулдыга. Молодой человек думал про себя:

– Знакомиться с местными все-таки надо, вдруг что-то попросить придется, крыльцо отремонтировать, например, или крышу.

Повозившись со старым замком, новый хозяин дома открыл дверь и пропустил гостя вперед. Видно было, что Слава бывал здесь не раз и чувствовал себя как дома. Он по-своему уселся на топчан возле стола и принялся изучать этикетку на бутылке водки. Михаил тем временем резал хлеб и открывал еще одну банку с консервами.

– Ты сильно не суетись, я одну рюмку выпью и пойду, – сказал гость.

– А вот, кстати, то самое ведро стоит, с которым твой дед умер, – он показал пальцем на замызганную жестянку, стоящую рядом с дверью под выключателем, – ты уж будь поосторожнее с ведрами и проводами, пожалуйста!

Слава не собирался уходить, пока бутылка не опустела, зато рассказал много чего интересного и полезного, что могло помочь при продаже дома, да и просто в общении с местными жителями.

Как оказалось, в деревне всего двенадцать хозяйств. Единственный новый дом построил два года назад некий Толя, который не живет здесь постоянно, но приезжает в отпуск и иногда по выходным. Слава почему-то не любил То-

лю. Из местных живут здесь постоянно только четыре человека: Борис, Марат, Виктор и сам Слава. В остальных домах или никто не живет совсем, или бывает редко. Три дома выставлены на продажу, но хозяева слишком много просят, и потому покупатели не особо торопятся расставаться с деньгами.

Из пьяных речей Славы можно было понять, что все – полные придурки, кроме него одного. Зато он и мастер на все руки, и местный герой-любовник, и чудо-рассказчик, да и вообще весьма приятный человек. Михаилу сказочно повезло, что он встретил в первый же день такого молодца.

Гость продолжал болтать, гостеприимный хозяин слушал и делал свои выводы. Он понял, что Слава, скорее всего, не мог быть тем жуликом, который навестил его с утра. Во-первых, Слава хромой, и потому вряд ли он сумел бы так быстро испариться с крыльца. Во-вторых, он рассказал, что, прежде чем встретить Михаила на улице, трапезничал и при этом потреблял самогон. А вот выбежал он на улицу, потому что хотел то ли прогнать, то ли поймать какую-то птичку, но этому помешал Михаил.

Повод для внезапного появления на улице был какой-то надуманный, но что возьмешь с деревенского пьяницы, у его поступков могут быть самые неожиданные мотивы.

Уходил гость домой, когда уже начало темнеть. Хромая к выходу, он споткнулся о ведро, стоявшее возле двери, обматерился и сказал на прощанье:

– Будь осторожней с проводами, особенно избегай электросварки.

После чего алкоголик растворился в деревенском сумраке.

В доме стало совсем темно и тихо, пора было готовиться ко сну. Мысли о таинственном дневном посетителе, который хлопал дверью, уже оставили Михаила. Он щелкнул электрическим выключателем, деревенскую кухню озарил тусклый желтый свет. Запахло паленой шерстью.

Первая ночь

Дом Шишкина изнутри представлял собой три отдельных помещения. Кухня-столовая, совмещенная с прихожей, где только что выпивали за знакомство Михаил со Славой, была самым большим пространством. Две маленьких комнаты, по задумке неизвестного строителя, были индивидуальной территорией. В каждой стояли по две старые кровати и по паре тумбочек. Михаил выбрал себе для ночлега комнату попросторней, менее заставленную и, как ему показалось, более светлую. Застелил привезенное с собой постельное белье, выключил свет и улегся спать. По-детски свернувшись калачиком, он сразу уснул. Сказались долгая дорога и алкоголь.

Снилась ему Катя. На ней была маечка, плотно облегающая грудь, и очень тугие шортики. Катя шла в ярком солнеч-

ном свете за водой с двумя ведрами в руках и мило улыбалась. Рядом с ней шел Слава в костюме с галстуком-бабочкой, не хромой, аккуратно подстриженный, этакий галантный джентльмен. Он взял у девушки из рук пустое ведро, подбросил его вверх и начал пинать ногами в воздухе, не давая ему упасть. Тем временем у Кати стала чернеть рука, в которой было второе ведро. Приглядевшись, Михаил обнаружил, что чернотой оказались плотно примыкающие друг к другу, быстро растущие черные птичьи перья. Они внезапно воспламенились. Огонь перекинулся на одежду, и женская фигура превратилась в пылающий силуэт. Свет этого нестерпимо яркого пламени слепил Михаила, заставлял его плотнее сжимать веки и закрывать глаза рукой.

Он проснулся от того, что в глаза ему бил яркий свет. Луч от мощного фонарика светил в лицо со стороны окна. Кто-то стоял снаружи дома и, прислонив фонарь к стеклу, изучал помещение. Лучик света бегал по стенам, периодически останавливаясь на лице молодого человека. Михаил резко поднялся и сел на кровати, фонарик сразу выключился, стало темно.

Включив свет, молодой человек прошел на кухню, где проверил, закрыт ли замок на входной двери. Выходить в ночь и выяснять, кто светил фонарем, желания не было. Он налил в стакан питьевой воды из привезенной с собой бутылки и выпил ее. Натянул штаны, нашел свой перочинный нож, сунул его в карман. Возвращаться в комнату не хо-

телось, он понимал, что при включенном свете без занавесок его можно рассматривать как на витрине. Он расположился на топчане, который стоял за кухонным столом так, чтобы из окна с улицы его было не видно. Спать уже не хотелось, было не страшно, но как-то неуютно и беспокойно. Тишина на улице и в доме была настолько мертвой и гнетущей, что Михаилу казалось, будто он находится в каком-то тугом коконе из звукопоглощающей материи, причем его только начали заматывать, и виток за витком вырастает стена, отделяющая молодого человека от мира со светом и звуками.

Задремать удалось только тогда, когда за окном стало немного светать, зашелестели листья на слабом ветерке, и мрачная тьма на улице сменилась сереньким прохладным рассветом.

Второй день

– Итак, – подумал Михаил, – загородная жизнь полна сюрпризов, и не очень приятных. Задерживаться здесь надолго не стоит. Нужно притащить этого Славу, уговорить его за бутылку починить крышу, а там, где прогнили доски на крыльце, поменять их. Надо валить отсюда в город и как можно скорее.

Он нашел в рюкзаке сваренные Катей вкрутую яйца, съел их, запивая минералкой, и отметил, что к дому не подведена вода. Мало того, что мыть посуду или пол было нечем,

не было возможности даже умыться или сполоснуть руки. Питьевая вода, привезенная из города в полторалитровых бутылках, заканчивалась.

– Видимо, придется идти за водой к местному колодцу. Но где он находится? Так и сяк придется идти к Славе. И про воду узнаем, и про ремонт поговорим! – строил планы на день молодой человек.

Утренняя свежесть постепенно отступала. Теплый ветерок шевелил первые желтеющие листочки, а там, куда попадали солнечные лучи, становилось тепло и уютно. Выйдя на улицу, Михаил почувствовал, что остатки ночной тревоги и тоски покинули его. Снова на душе стало спокойно. Шагая по дороге к дому Славы, он вновь ощутил умиротворение и притягательную прелесть загородной деревенской жизни.

– А все-таки, красота какая и спокойствие!

На заборах и темных стенах домов играли солнечные блики, и деревенька казалась раритетным памятником, сохранившим очарование и уют прежнего неторопливого быта. Почти физически ощущалось, как замирало время. Ветерок стихал в изгибах кривой улицы, и даже крошечный паучок, хотевший куда-то улететь на обрывке паутины, неподвижно парил на одном месте. Никто никуда не спешил, и время тоже решило замедлить свой ход. Михаилу казалось, что он неестественно медленно переставляет ноги, почти попадая в ритм местных неторопливых колебаний.

Тихонько, опасаясь скрипнуть петлями, Михаил открыл

калитку и прошел внутрь Славиного двора. Стоящая во дворе хибара была очередной копией дома Михаила, разве что отличалась большим количеством небрежно смонтированных заплат. Где-то виднелись куски вставленных досок, а вся рубероидная крыша была латана-перелатана, причем материал для ремонта использовался самый разный, потому кровля выглядела пестрой и разноцветной.

Судя по тому, что из дома был слышен звук работающего телевизора, хозяин уже не спал. Михаил постучал в дверь. Через какое-то время открыл Слава, он был в одних трусах. Выглядел он для своего возраста подтянутым, на животе не было лишнего жира, можно сказать, что мужичок был довольно жилистым. Только лицо его было какое-то сморщенное, побитое жизнью, казалось, что оно не соответствует возрасту тела своего обладателя.

– Слушай, у тебя еще водка есть? – спросил Слава, вместо «здравствуйте».

– Нет, я только одну бутылку привез, тащить на себе от автобусной остановки ящик не хотелось, – усмехнулся Михаил, – кто же знал, что здесь будут страждущие.

– Ладно, значит, наверное, у тебя есть деньги. В двух километрах отсюда другая деревня, там больше жилых домов, есть газ, бабы и магазинчик. Продавщица Валя (для тебя – тетя Валя) гонит самогон. Лучше твоей водки, да и стоит он в два раза дешевле. Сходи, а. Купи, я-то хромой, и после твоего пошла башка трещит.

– Да мне вроде не надо ни водки, ни самогона. Ты лучше скажи, где тут воды набрать.

– Питьевая вода есть только у Бориса и Толика, остальные собирают ту воду, которая стекает с крыш, потом фильтруют, а для полива есть заросший пруд в конце улицы. Хочешь, дам насос и шланг, только сначала надо похмелиться.

Михаил не был готов к экспедиции в другую деревню, но настойчивость Славы и его согласие сотрудничать убедили молодого человека в том, что за выпивку он сможет быстро договориться с этим соседом о чем угодно.

– Хорошо, я схожу за водкой, но поливать мне ничего не надо. Ты лучше добудь мне литров пять питьевой воды и посмотри, что можно сделать с моими крыльцом и крышей. Потом вместе прикинем фронт работ. Идет?

Слава поморщился и сказал:

– Иди уже, и так понятно, что там делать... Ладно, посмотрю.

Погода была великолепная. Михаил взял телефон и рюкзак, предварительно все из него вытряхнув, одел бейсболку, спортивное трико и, не застегивая летнюю рубашку, выдвинулся в соседнюю деревню.

Он обошел заросший пруд и, миновав последний дом, поднялся на небольшой холм. С его вершины открылись заросшие кустарником брошенные поля и примыкающая к сосновому лесу еще одна деревенька. Она состояла из бо-

лее приличных домишек и по числу их была явно больше. Слышались задорные посвистывания рассекающих небо стрижей и стрекот кузнечиков. Спускаясь с холма, Михаил заприметил надвигающуюся с востока мрачную тучу. Ветер сменился, он стал сильнее и холоднее, чем утренние теплые сквознячки. Туча была далеко, и непонятно еще, в какую сторону она будет двигаться. Настроение Михаилу легкая смена погоды не испортила.

Всего путь до соседней деревни занял около получаса прогулочным шагом. Магазин нашелся сразу. На одном из не выделяющихся ничем домов, прямо на фронтоне, были прибиты огромные вырезанные из фанеры цифры «2» и «4». Видимо, это означало, что заведение открыто 24 часа в сутки. Рядом с этим домом стоял встроенный в забор сарай с дверью на улицу. На двери краской было написано «Стучите». Михаил стучал минут пять, пока не услышал, как кто-то открывает дверь в помещение со стороны двора.

Наконец щелкнула задвижка, и Михаила впустили в магазин, где на самодельных полках стояли консервы, спиртное, сигареты, а также небольшой ассортимент круп и макаронных изделий.

Михаил сразу перешел к делу.

– Мне Слава сказал, что тут у тети Вали можно купить самогон, я бы взял пару поллитровок.

– А кто вам сказал, что я – тетя Валя и торгую самогоном? Вот водка есть. Берите ее, – отвечала приятной внеш-

ности женщина средних лет с грустными глазами и волнуящим тембром голоса.

Михаил сразу покорился ее скромному обаянию. Он даже пожалел, что так небрежно начал разговор. Просить самогон он больше не стал. Взял две бутылки водки, пару банок консервов, три бутылки с водой, на тот случай, если Слава не выполнит задание и не сможет добыть чистой воды. Загрузив покупки в рюкзак, он собрался взвалить все это на плечи, как в кармане заверещал телефон, звонила Катя.

Мелодия телефона показалась голосом из другого мира. Почти за сутки, насыщенные непривычными событиями, Михаил настолько погрузился в новую жизнь, что даже вздрогнул. Катя слегка наехала. По правде сказать, было из-за чего, она стала обвинять будущего супруга в том, что он ни разу не позвонил с того момента, как уехал. Также девушка рассказала, что обновила его резюме на всех сайтах. При этом она выговорила Михаилу, что нельзя так наплеватьски относиться к поиску работы, все-таки пора взрослеть и думать уже о семейной жизни. Еще звонили из банка и сказали, что у него есть просроченные платежи. Катя переживала, что раз уж они дозвонились до нее, значит, дело серьезное.

Дыхание семейного очага становилось все более отчетливым. Михаил понимал, что ему уготована роль ведомого в этом брачном тандеме. С одной стороны, его мужская гордость немного восставала против такого хода событий,

а с другой стороны, если ей хочется заниматься всякой рутинной и держать каждую мелочь в своей голове, то это даже лучше для него, он не будет тратить время на эти пустяки. Михаил не сопротивлялся обвинениям Кати, только сказал, что прежде, чем устраиваться на работу, ему все равно сначала надо уладить деревенские вопросы. Договорились созвониться вечером.

Михаил, глядя на продавщицу, сказал в трубку: «Целую, дорогая!» – и отключил связь.

Продавщица, слегка смутившись, отвела глаза в сторону.

– А вы увидите Славу? – спросила она.

– Надеюсь.

– Тогда передайте ему привет от Валентины и скажите, пусть заходит.

– Что-то он не захотел к вам идти, меня за водкой послал.

– Ой, он же не любит водку, у него голова болит от нее, сейчас я вам кое-что другое дам.

Женщина нагнулась под прилавок и стала чем-то там гремять. Застиранный халатик плотно обтянул ее внушительные, но упругие ягодицы. Михаил попытался определить, есть ли под халатом трусики, однако ему это не удалось. Продавщица достала литровую бутылку с прозрачной жидкостью, в которой плавали какие-то листики. Она заботливо обернула сосуд бумагой и протянула его застывшему в раздумьях Михаилу. Он очнулся и засунул бутылку в рюкзак, отчего тот стал заметно тяжелее.

Тетя Валя даже вышла из-за прилавка, чтобы помочь ему взвалить ношу на плечи. Пока они корячились с рюкзаком, Михаил почувствовал, как она погладила его легонько по бедру. Он подумал, что это случайно.

Вдогонку с крыльца магазина, демонстрируя возможности своего голоса, Валентина крикнула: «Если Слава сам здесь не появится, то я больше ему давать не буду». И другим смутившимся голосом: «Бесплатно... самогон, блин». Михаил улыбнулся: «Похоже, с этими двумя все ясно».

Пока Михаил поднимался на холм, разделяющий две деревни, солнце спряталось за тучу, и подул уже совсем холодный ветер. Пришлось застегнуть рубашку. Начали покрапывать небольшие, но холодные капли дождя, молодой человек ускорил шаг. Через минуту пошел не просто дождь, а ливень. Очень быстро стало темно. Бежать с полным рюкзаком за спиной по размокающей скользкой проселочной дороге было невозможно. Михаил то ускорялся, то шел медленно, тяжело дыша. Ручьи холодной воды текли с его мокрой головы по шее за шиворот, рюкзак впитал в себя дождевую влагу и стал еще тяжелее. Когда он подходил к дому, тучки начали освобождать небо, появилось солнце, но свежесть осталась, причем стало даже холодней, чем прошлой ночью. Наконец, полностью мокрый, запыхавшийся и трясущийся от холода Михаил подошел к дому.

На крыльце под крышей сидел Слава с пятилитровым бал-

ЛОНОМ ВОДЫ.

– Слушай, быстро ты, я только успел одеться, взять у Бориса воду и дойти до твоего дома, а ты уже тут как тут. Давай помогу.

Михаил хотел спрятать самогон и одну бутылку водки, чтобы потом ими расплачиваться со Славой за ремонт, но тот сам снял с мокрого ходака тяжелую ношу. Пока юноша пытался дрожащими руками стянуть с себя сырую одежду, гость начал рыться у него в рюкзаке, что-то бормоча себе под нос.

– Чтобы не простудиться, тебе непременно надо выпить, причем именно самогона. У Вали он особенный, мобилизует внутренние ресурсы, так сказать. Даже не мобилизует, а мобивылизывает.

Михаил был не в состоянии оценить юмор. Он даже возразить что-либо не мог. Зуб на зуб не попадал, надо было согреться любым способом.

Пока новые друзья пили, как оказалось, очень недурственный самогон, в основном вещал Слава. Он почти слово в слово повторял вчерашние истории, видимо, других у него просто не было. Когда внутреннее тепло от алкоголя немного позволило Михаилу расслабиться, он смог сформулировать вопросы, ответы на которые его сейчас больше всего интересовали. Из сбивчивых Славиных речей, а он имел привычку перепрыгивать с темы на тему, кое-что ему все же удалось выяснить.

Естественно, осмотра дома и оценки ремонтных работ этот болтун не делал. Питьевую воду Борис безвозмездно раздает желающим, и для этого он вывел на улицу со своего участка кран, к которому подходит вода из его личной скважины. У Славы с продавщицей Валентиной роман. Кроме того, по мнению Славы, в самогон тетя Валя добавляет афродизиак.

– Не понял, так зачем мы его сейчас пьем? – удивился Михаил.

– Да это лучший самогон, который я когда-либо пробовал, я не могу без него! Когда я просто воды хочу выпить или поесть чего-нибудь, то у меня откуда-то из глубины души рождается вкус этого божественного напитка во рту, и ничего другого уже не хочется.

– Ну, это просто алкоголизм.

– Нет, это любовь!

– К Валентине?

– Нет, для этого она в самогон траву добавляет. Люблю я самогон, а когда его выпью, то люблю Валентину. Она этим и пользуется. Я не могу без самогона, а Валентина не может без меня.

Михаил вспомнил, как продавщица погладила его по ягодице. Он подумал, что, пожалуй, она-то без Славы не пропадет. С такой-то внешностью, с таким голосом. Он почти заново ощутил ее прикосновение. Вновь почувствовал ее горячее дыхание на затылке. Ему захотелось, чтобы Валентина

прикоснулась к нему снова, а он бы с удовольствием погладил ее. Ну, или хотя бы провел пальцем по ее щеке, потом нежно дотронуться языком до шеи, потом... Он понял, что это действовал афродизиак. Он тупо посмотрел на Славу, который что-то объяснял, извиваясь и жестикулируя, при этом выделял языком какие-то неприличные движения, как собака.

Остро захотелось выпить, даже напиться, потому что вкус самогона приятно горел во рту, а фантазии, связанные с внезапно нахлынувшим сексуальным возбуждением, занимали все мысли. Даже не очень приятный Слава, сидящий напротив, не вызывал более отвращения. Хотя было бы гораздо лучше, если это оказалась Валентина. Наверное, чтобы избавиться от этого наваждения, кроме того, как напиться – другого средства не было.

Неожиданно для себя Михаил сказал:

– Стой, у вас бабы в деревне есть?

– Нет, но устроить можем! – Слава хитро прищурился. – Телефон свой давай. Сейчас позвоним!

Молодой человек полез в карман, телефона не было, проверил мокрый рюкзак, там тоже было пусто. Видимо, уронил по дороге, когда бежал под дождем, или в доме, пока переодевался.

Они принялись со Славой ползать по дому в поисках телефона, но нашли только лужу в углу, которая натекла из под развалившейся кровли.

– Обойдемся без телефона, – сказал Слава, разливая очередную порцию. – Пошли к Марату, бери водку, самогон оставь нам на утро.

Михаил даже не спросил, зачем надо куда-то идти, так как, кроме похоти, проснулся еще и авантюризм. Он нашел сухие дедовские калоши. Чертыхаясь и промахиваясь мимо рукавов куртки, он оделся. Весело пошатываясь, они со Славой вышли в вечерний сумрак искать себе приключений.

Дом Марата находился в противоположной от Славиного дома стороне, на той же единственной улице. Смачно чавкая по грязи, друзья прошли мимо пустых домов. С крыши одного из них бесшумно вспорхнула и набрала высоту большая птица. Расправив крылья в свободном парении, она сделала круг над деревней и улетела прочь.

Обходя свежие лужи, пьяные товарищи подошли к дому на окраине деревни. Калитка, ведущая во двор, была открыта. Дом стоял темный и, по ощущениям, пустой. Слава стал стучать в дверь и звать Марата дурным пьяным голосом. Никакой реакции не было. Через какое-то время Слава дернул рукав Михаила и потащил молодого человека с собой за угол дома. Там под окном стояла лавка, на которую хромоногий проводник взобрался и уверенным движением толкнул створки окна. Со скрежетом и звоном разбивающегося стекла они открылись внутрь.

Слава, матерясь, полез в образовавшийся проем. Он упал, перелезая через окно, и загремел чем-то в комнате, после

чего мат затих. Наступила тишина.

Михаил стоял под окном, лезть внутрь не хотелось, всякие желания пропали, кроме одного – забраться под теплое одеяло и заснуть. Он вспомнил, что почти не спал прошлую ночь. Сумерки стремительно превращались в холодную пасмурную августовскую темень. Михаил огляделся. Силуэты брошенных домов, казалось, стали больше. Они не сливались с темнотой, а стали пятнами тьмы, черными дырами в небольшом пространстве деревни. Он подумал, что, наверное, если посмотреть сверху, то эти отдельные темные пятна сливаются в одну большую черную кляксу, и это неправильное образование на фоне полей и лесов, этот дефект, искривляя пространство, затягивает в себя окружающий ландшафт. Даже тусклые блики угасающих звезд уже никогда не отразятся от его матовой поверхности, навсегда сгинут, притянутые неведомой темной силой.

Он развернулся и побрел домой. Дождаться Славу не хотелось, было непонятно, чем он там занят. Действие алкоголя улетучилось, и апатия полностью овладела сознанием Михаила. Войдя в дом, он с отвращением посмотрел на загаженный стол. На столе лежала утренняя скорлупа яиц, валялись пустая бутылка водки с прошлого вечера и банки консервов с чем-то засохшим в них. Над всем этим, как колокольня над сожженным кремлем, возвышалась початая литровка самогона. Михаил, не раздеваясь, лег на топчан на кухне и закрыл глаза.

Вторая ночь

Только сон попытался овладеть телом Михаила, как в дверь громко постучали, и испуганный голос Славы сказал: «Открывай быстрее, Марат повесился».

Хотя Михаил и не видел никогда этого Марата, стало как-то тоскливо и одновременно тревожно. Он впустил Славу. Тот моментально наполнил рюмки самогоном, заставил сонного молодого человека выпить и опрокинул стопку сам.

– Пошли к Борису, он хоть и странный мужик, но точно знает, что надо делать, – произнес Слава.

– Я спать хочу.

– По-твоему, я, хромой, один буду тут ночью ходить, народ собирать и проблемы решать. Нет у тебя ни стыда, ни совести!

Деваться было некуда, пришлось опять выходить из дома. На дворе было совсем темно. Слава показал короткую дорогу к Борису. Оказывается, что между домами Михаила и Бориса не было забора. Это у него было свежевыкрашенное крыльцо, которое вчера бросилось в глаза Михаилу.

Молодой человек про себя отметил, что окно спальни, в которую светили фонариком прошлой ночью, выходило как раз на этот дом. В темноте было не разглядеть, есть там тропа между домами или нет. Слава хромал впереди и освещал дорогу зажигалкой. Что там было у него под ногами –

видел только он сам. Михаил послушно шел сзади, пытаясь попадать в Славины следы. Окна в доме у Бориса не светились. Собутыльники поднялись на темное крыльцо.

Слава стал барабанить в дверь и таким же голосом, которым он час назад звал Марата, начал вызывать Бориса. Аналогия была полная: темный дом, стучащий в дверь пьяный Слава. Тишина в промежутках между ударами и криками ощущалась физически. Она с мертвой улыбкой стояла за спиной, не позволяя вякнуть даже эху. У Михаила что-то сжалось и заледенело в груди, холод стал заполнять его тело и парализовал сознание, а с ним и любые попытки двинуться.

– Может, перестанешь стучать, а то всех распугаешь, – прошептал молодой человек.

– Кого всех? – Слава перестал долбить по двери.

От этого вопроса стало совсем жутко.

– Ну, есть же кто-то еще... Здесь... В деревне, – еле шевеля замерзшими губами произнес Михаил.

– И то верно.

Молодому человеку показалось, что Слава перекрестился.

Тишина буквально звенела в ушах. Вдобавок к этому звону у Михаила добавилась боль в виске и левом боку.

Слава сел на ступеньки под дверь и закурил. Михаилу стало не просто жутко, а так, что задрожали колени и даже навернулись слезы. Он вспомнил, что в деревне, кроме него,

живут еще четыре человека, один из которых висит в петле в своем доме. А еще вокруг стоят восемь пустых домов, что или кто там висит, никому не известно. И непонятно, что с Борисом. Михаил начал стремительно трезветь. Страх расползлся и начал заполнять окружающее пространство, он встал рядом с Тишиной, та перестала улыбаться. Молодой человек не мог пошевелиться. О том, чтобы бежать домой, речи не было. Ему казалось, что кто-то двигается в темных окнах дома напротив и в кустах, и за забором на дороге. Он оглянулся на свою избу и вздрогнул. Казалось, что сердце остановилось. В его доме, находящемся в пятидесяти шагах, кто-то светил фонариком на кухне.

Он схватил за плечо Славу: «Смотри, кто это может быть?» Свет от фонарика оказался уже на улице и начал движение в их сторону. Причем он двигался тем же путем, по которому только что шли Михаил со Славой. Постепенно вырисовывался движущийся силуэт. Идущий был высокого роста, но не широкоплечий. Он светил себе фонарем под ноги, и отраженное от мокрой травы зеленое сияние освещало его фигуру. Дойдя до крыльца, этот кто-то мельком осветил застывших с искаженными лицами собутыльников и неожиданно веселым и звонким голосом сказал:

– Что, алкоголики, водка кончилась? Слава, ты же знаешь, что просто так я не наливаю, нужен либо серьезный повод, либо выполненное поручение.

Мужчина зазвенел ключами, подвинул сидящего

на крыльце Славу, открыл дверь, включил свет и запустил внутрь дрожащих друзей.

– Ну, заходите, что у вас стряслось?

Когда Борис снял остро торчащий вверх капюшон плаща, то оказался не таким высоким, каким виделся в темноте. Худощавое обветренное лицо выдавало в нем трудолюбивого и принципиального человека. Слава сбивчиво рассказал про то, как они пошли к Марату. Тот не открыл. Слава залез в окно и в спальне при свете зажигалки обнаружил висящего на веревке под потолком Марата. Обратно он выскочил через дверь, открыв щеколду, и поспешил к Михаилу, а потом, уже вдвоем, они прибежали к Борису.

Борис задумался и, глядя на Михаила, спросил:

– А ты почему ушел? Дождался бы друга. А то как на подвиги – так вместе, а как беда – так в кусты.

– У меня сил не было, я всю ночь накануне не спал, потому и ушел. Можно я пойду к себе? Вы уж сами как-нибудь справитесь, – жалобно возразил молодой человек.

– Нет, нельзя, вдруг это убийство, и преступник притаился где-то на улице, пойдем все вместе к Виктору, потом вызовем полицию. А до приезда следователей будем держаться вместе.

Пришлось подчиниться. Борис выдал каждому по маленькому фонарику, взял огромный нож-мачете и засунул его себе куда-то под плащ. Слава уговорил Бориса зайти в дом Михаила и взять с собой самогон с закуской, а то он не сможет

всю ночь не спать, а у Виктора как обычно нет ни еды, ни выпивки.

Все вместе они зашли в дом Шишкина. Слава по-хозяйски покидал в подобранный на полу пакет все, что из съедобного было выставлено на стол. Не забыл он и початую литровку самогона. Борис, наблюдая за тем, как Слава ищет еду в куче мусора на столе, удостоил Михаила таким презрительным взглядом, что тот втянул голову в плечи и в таком сжатом и подавленном состоянии поплелся в конце процессии к Виктору.

Виктор жил через два дома от Славы, рядом с прудиком в конце деревни. Все вместе за пять минут дошли до его участка. Виктор быстро открыл дверь. Выслушав рассказ Бориса, он включил свет во всем доме и даже во дворе – там у него были смонтированы два фонаря.

Виктор был небольшого роста и в очках. Возраст трудно было определить, похоже, что ближе к семидесяти. В городе его можно было бы назвать престарелым интеллигентом, однако деревенский быт и обстановка накладывали свой отпечаток. Большой нос картошкой, на котором сидели старые очки, был покрыт редкими седыми волосками. Михаилу показалось, что Виктор чем-то напоминает доброго гнома из детского мультфильма.

Тем временем Борис позвонил в полицию и о чем-то долго разговаривал по телефону. Михаил находился в прострации, голова не соображала. Шла его вторая бессонная ночь.

Количество выпитого за два дня алкоголя практически без закуски было выше любой нормы. Если учесть то, что за последние часы он пережил столько противоположных эмоций и состояний, начиная с того, что замерз, потом возбудился, испытал страх, а потом стыд, то неудивительно, что все происходящее казалось ему сном.

Пока Слава с Виктором накрывали на стол, Борис объявил всем план действий. Он был простой и логичный.

Во-первых, так как никто, кроме Славы, не видел Марата повешенным, то делать выводы о произошедшей трагедии еще рано. Во-вторых, идти ночью и проверять, что там на самом деле случилось, никто не хочет и не будет. В-третьих, даже если все то, что говорит Слава – правда, то срочная помощь повесившемуся жителю вряд ли понадобится. Кроме того, присутствующим, пока они вместе, ничто не угрожает. К девяти утра подъедет патрульная полицейская машина, а там и станет понятно, что делать.

Раз уж Борис решил, что до приезда патруля все жители деревни будут находиться вместе и охранять друг друга, то скоротать время решили за столом. Слава разлил самогон по вместительным рюмкам и сказал:

– Жуть какая, давно у нас в деревне такого не было. Мне показалось, что когда я убежал из дома Марата, то кто-то смотрел мне вслед из его комнаты и тихонько хихикал.

– Пить надо меньше, – сказал Борис.

– Еще мне показалось, что у него штаны были спущены, –

проигнорировал слова Бориса Слава.

– А смех какой был, низкий грудной или высокий птичий? – поинтересовался Виктор.

– Конечно, грудной женский, зазывающий. Какой еще у Марата в комнате может быть? – засмеялся Борис.

– Больше похож на птичий с переливами и причмокиванием, – Слава изобразил губами какие-то звуки.

Виктор многозначительно посмотрел на Бориса, тот приоткрыл рот и сразу стал серьезен.

– А, Виктор, опять ты со своей «скверной» птицей. Нет тут у нас, кроме ворон, синиц и воробьев, птиц никаких. Те, что остались, конечно, тоже дурные, но «скверной» нету. И без твоих фантазий жути хватает, – твердо заявил Слава.

У Михаила почему-то руки свело в локтях. Они разогнулись и застыли под столом, как сухие палки, зажатые между коленками.

Слава, немного выпив, стал опять разговорчив.

– Вот, например, я в баню свою боюсь один ходить, особенно с похмелья. У меня там черная рука живет...

Михаил внутренне напрягся, вспомнился сон про черную руку Кати.

– Сам я руку не видел, меня отец ею в детстве пугал. Помните ту историю, которая в деревне с Натальей приключилась? Тогда еще ферма работала, люди нормальные в деревне жили.

– Эта та Наталья, которая во время пожара погибла? –

спросил Виктор.

– Несчастный случай? – с надеждой полюбопытствовал Михаил.

– Темная история. Поговаривают, что ее местные жители сожгли, – нахмурившись, сказал Борис.

– Да, да! – сказал Слава. – Отец рассказывал, что он как-то в бане с похмелья спать лег, так его там черная рука душиТЬ стала, кое-как отбился, на улицу вылез, еле отдышался. Потом мать через неделю белье стирала, вдруг, как ошпаренная, на улицу выскакивает. Там, говорит, под лавкой что-то черное шевелится. Отец взял топор и давай под лавкой им шуровать. Вытаскивает топор, а он весь в крови, а под лавкой пусто. На следующее утро смотрит, соседка Наташка, ну, типа красавица местная, по улице с забинтованной рукой идет. Ну, думает – совпадение. Потом мать одна в баню стала бояться ходить. Где-то месяц прошел, и однажды, когда родители меня маленького еще мыли в бане, вдруг свет отключили. Так отца за яйца эта черная рука так хватанула, что у него аж искры из глаз посыпались. Он успел руку эту схватить, да с размаху об лавку шмякнуть.

Михаил натуженно улыбнулся, все остальные были серьезные.

Слава продолжал:

– Так ты что думаешь? Наутро у Натальи другая рука забинтована, перелом, блин.

– И что с ней потом стало? – спросил Михаил.

– Ну, люди-то разговаривают друг с другом, выводы делают. То у кого-то ребенок заболел, то у кого-то скотина подохла. Ясно дело, кто виноват. В итоге кончилось все даже печальней, чем началось. Случился пожар, сгорела ремонтная пристройка на ферме, а когда потушили, то там труп Натальи нашли, обгоревший уже.

– Ну, это же несчастный случай, – сказал Михаил.

– Конечно, написали в отчетах, что да. А так вообще-то тело к столбу примотано проволокой было.

Все замолчали.

– А потом, – кашлянул Виктор, – скверная птица в лесу вашем появилась. Такие события просто так не проходят.

– Да ты ее тут который год уже ищешь? Все найти не можешь. Даже премию объявил жителям: кто поймает, тому ящик водки.

– Я не ее ищу, – сказал Виктор и посмотрел на Бориса.

– Все, хватит страсти рассказывать, у нас тут через три дома покойник висит, а вы все паясничаете, – подытожил Борис.

Все вспомнили повесившегося Марата, и разговор плавно перешел в пьяную беседу о былых достоинствах самоубийцы.

Выпив две полных рюмки самогона без закуски, Михаил повалился на диван, уткнулся лбом в чью-то задницу и вырубился. За окном светало.

Третий день

Проснулся Михаил от того, что его трясли и тянули за руку. Голова нестерпимо болела, каждое движение причиняло страдание, очень хотелось пить. В то же время сопротивляться чьим-то давлению и воле никакой возможности не было.

Слава тащил Михаила за собой. Впереди шли Борис и Виктор. Двигались все они на другой конец деревни к дому Марата. Там уже стоял полицейский уазик и бортовая газель. Водитель газели громко матерился и кричал, что у него не труповозка, а частный автомобиль.

Оказалось, что участковый позвал местных жителей для того, чтобы они помогли снять Марата и загрузить тело в газель. Полицейские поймали водителя этой машины в соседней деревне за какое-то нарушение и обещали отпустить, если он им поможет отвезти тело в морг.

Дойдя до места происшествия, все зашли в дом. Нужно сказать, что Михаил слабо воспринимал происходящее, даже поворачивать голову было очень тяжело. Для этого необходимо было напрягать все тело и собирать волю в кулак. С огромным трудом молодой человек приходил в себя. Потихоньку он начал осматриваться.

Тем временем в доме один полицейский уже что-то писал под диктовку Славы, другой передвигал стулья и ходил с ножом. Марат висел посреди комнаты, под самым потолком. Все стены большой комнаты были завешаны плакатами с об-

наженными женщинами из журналов 70-х и 80-х годов прошлого века. Борис с Виктором вместе поддерживали тело, пока служитель закона, стоя на стуле, срезал веревку. Полицейские и Борис понесли тело на улицу. Маленький Виктор стоял в дверях в сером сюртучке, молитвенно сложив руки. Он молча шевелил губами. За толстыми стеклами очков были видны слезы.

У Михаила хватило сил пробраться на кухню, где он нашел чайник и прямо из носика, обливаясь, выпил всю воду, которая в нем была. Потом он вышел на свежий воздух и сел на ступеньки дома. Облокотившись о стойку крыльца, Михаил стал наблюдать, как тело загружали в газель.

Водитель подложил картонку под тело Марата, но не знал, как лучше его закрепить. С жутким матом газелист с Борисом перекладывали труп то вдоль, то поперек борта машины. После того как газель тронулась и затряслась на кочках, голова Марата, покрытая редкими волосами, стала мелко дрожать и, несмотря на подложенную картонку, достаточно звонко постукивать о дно кузова. Каждый такой звук отзывался в мозгу Михаила так, как будто это его голова. Вынести этого он уже не мог, и его вырвало.

Пошел мелкий дождь. К дому, где продолжались следственные мероприятия, подъехала легковая машина, из которой вышли мужчина и женщина приблизительно такого же возраста, как Михаил. Они о чем-то стали говорить с полицейским. Слава подошел к женщине, та достала небольшой

пакет с заднего сиденья своей машины и отдала ему.

Тот подошел к Михаилу: «Пошли, налью стакан пива. Да и шел бы ты спать, а то смотреть на тебя страшно». Оказалось, приехали дети Марата. Они хотят убраться в доме и похоронить отца как положено. Им позвонил Борис, а Слава попросил, чтобы они взяли баллон пива из города, когда поедут в деревню.

Несмотря на хромоту, Слава тащил на себе Михаила. У того после слова «пиво» во рту появился стойкий вкус этого напитка, и ни о чем другом, кроме того, как выпить хоть капельку пивка, думать он больше не мог. Не обходя луж, под мелким дождиком они добрались до дома молодого человека.

К запаху плесени в хибаре примешались вонь перегара и протухающих объедков, которые лежали на столе. Слава открыл баллон и налил два стакана пива. Пили маленькими глотками. Михаил молчал. Слава говорил.

– Ты бы поменьше пил, что ли? Я-то, если ты заметил, выпиваю по полрюмки. С утра не потребляю. Могу за обедом пригубить, а ты закидываешь по полной. Не останавливаешься уже двое суток.

Михаил, поняв, что пиво назад проситься не будет, сказал:

– Может, это я с непривычки. Я вообще-то не пью, в городе постоянно за рулем, вечно какие-то дела. А тут ты мне постоянно наливаешь. И творится тут у вас чертовщина всякая.

Слава покачал головой.

– Ладно, иди спать.

– Ну, еще пивка по стаканчику, и на боковую, – жалобно попросил Миша.

Второй стакан пива вернул молодого человека к жизни.

– Слушай, я хотел спросить Бориса, какого черта он у меня по участку ходит и фонарем по ночам светит.

– Ну иди и спроси! Он вообще иногда странные вещи делает. Сам считает, что он у нас типа опекуна. Всех нас организует, помогает, вроде авторитет такой. Правильный весь из себя. И даже не пьет.

– Что, и вчера у Виктора он тоже не пил?

– Ну может, пригубил чуток за компанию. Мы с Виктором по полрюмки, да и ты остатки самогона допил.

– Мне показалось, что они с Виктором чего-то темнят, не договаривают.

– Да, что-то такое есть. Виктор-то не из местных будет, пришлый. Это Борис – наш человек, хоть и зазнался.

– И откуда он взялся, этот «неместный»?

– Точно сказать не могу, даже не знаю, сколько ему лет, может быть, даже больше ста!

И Слава поведал очередную местную легенду.

Виктор, по слухам, сотрудничал еще с КГБ, при этом был простым инженером в обычном институте. В какой-то момент он начал лечить людей, просто руками и беседой. Его стали привлекать для всяких исследований и опытов. Он по-

могал раскрывать преступления, находить пропавших. Даже, говорят, пока он положительного заключения не даст на основе своего дара, то ракеты в космос не отправляли. И, вроде как, все у него получалось. Точно известно, что он несколько раз встречался с Вангой, а также с другими известными провидцами и целителями. Кого-то из них он на чистую воду выводил, с кем-то делился профессиональными секретами. Потом – история темная. Может, несчастье какое-то произошло, может, он узнал чего лишнего. В итоге ему пришлось от людей уехать. Нет, его не искали и не преследовали, просто потихоньку о нем забыли. Слава не мог дать более точную информацию. Он говорил со слов Валентины. Мол, она рассказывала, что Виктор недавно помог ее матери на ноги встать.

– Мне не особо интересно. Но думаю, что он задание какое-то получил и птицу тут ловит, – подытожил Слава.

– Какую птицу?

– Скверную.

Михаил вспомнил ночные разговоры.

– Задание? В сто лет? Получил от кого? Что за бред? – возмутился Михаил.

– Точно бред. Но они постоянно с Борисом за домом у Виктора копают, а когда мимо кто-то проходит, перестают в земле ковыряться и делают вид, как будто ничего не происходит.

Михаил потянулся еще за пивом.

– Все, Миша, хватит тебе пить, иди помойся и проспись. От тебя уже псиной какой-то разит, противно.

– И где я, интересно, буду мыться, тут нет обычной воды, про теплую я уже не говорю.

– Да, ты прав, пошли. У меня в бане еще с выходных теплая вода должна быть. Если остыла, то не беда – затопим печку, помоемся, а потом спать ляжешь.

– Вот правильно, раз пиво есть, то и баню можно затопить, – оживился Михаил.

Подвыпившие друзья пошли опять к Славе. Тот нес открытый баллон пива, а Михаил прихватил с собой одну из бутылок водки, купленных вчера днем.

Когда они вышли на дорогу, мимо проехал китайский внедорожник. На пассажирском сиденье была Валентина. Она махала рукой и зачем-то прикладывала кулак к уху, периодически тыкая пальцем в Михаила.

– Что это она показывала? – спросил тот у Славы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.